

В Чистый четверг на Страстной неделе на деревне никто не работал, все прибирались по дому, топили бани, а в огородах мужики и бабы жгли ботву. Ребятишки весело ворошили костры длинными палками, из-за чего снопы искр, как фейерверк, взлетали в воздух и к великой радости детей кружили в сумерках.

Сергей Звягин, студент четвёртого курса исторического факультета Тюменского государственного университета, в хорошем настроении шёл привычной дорогой, вдоль ограждённых штакетником палисадников, жадно вдыхал свежий воздух, сладко пахнувший дымком и сыростью талого снега, думал о Христе, мысленно повторяя Его подвиг. “Вот в такой же весенний месяц в Иерусалиме было холодно, — думал он, — как и сейчас, люди грелись у костра. А где-то недалеко, в претории, пытали Христа, издевались над Ним, мучили, надевали терновый венец на голову. Все ученики, кроме Петра, разбежались и оставили на истязание властям Мессию. Какую жертвенную Любовь к людям должен был испытывать Сын Человеческий, добровольно отдавая себя на распятие?! Какая нравственная сила! Какая Любовь к Истине и ко всему живому?!” И от подобных мыслей на душе у Сергея утанавливалась та благодать Божья, какую обещал ученикам Христос.

“Нет выше подвига на земле, если кто положит душу свою за други своя”, — и он зримо видел подвиг Иисуса Христа, который ради него и ему подобных шёл на Голгофу.

Сумерки уже синели, и, проходя мимо изгороди дома Петра Слепченко, он услышал весёлые звуки гармони, под которые почти мужским, прокуреным басом Тамара Волобуева выкрикивала похабную частушку: “Ехал на ярмарку Ванька холуй...” Сергею стало неловко, что в такой день на Страстной неделе оскверняется воздух, и в деревенской жизни к грехам, совершенным отцами и дедами, добавляется это сквернословие. И как человек нравственный, сознательно принявший крещение, отчаянный и смелый, он, вежливо постучавшись, вошёл в избу.

— Здорово живёте, селяне! — произнёс он, закрывая за собой дверь.

Вместе с гармонью умолкли сидящие за столом гости и обернулись на голос Сергея с недовольным выражением лиц.

— Учёный пришёл! Вот те нате, а мы-то и не ждали, — сказал гармонист Гришка Ерохин.

— Ну, ждал ты меня или не ждал, об этом мы поговорим отдельно в другом месте, — жёстко одёрнул его Сергей. — А ты, Петро, не в тот день гульбу затеял. Слыханное ль дело, чтобы православный в Страстную неделю сквернословил и гульбища устраивал? Церковь вон стоит, — Сергей показал рукой в сторону недавно восстановленного храма. — Перед Великим постом всей деревней, всем миром приняли покаяние, чтобы очистить от скверны воздух греховный в нашем селе. А ты опять грехи собираешь...

— Ох-ох-ох, Исусик Христосик ещё один выискался, — сказала бойкая Тамара и, жадно затянувшись сигаретой, выдохнула облако дыма в сторону неожиданного гостя. — Старухи рассказывали, что прадед твой первым комиссаром на деревне был, церковь развалил и всех верующих на Соловки сослал. А попа с попадьей в сани запряг и всю ночь на них ездил. А опосля, их, сердешных, донага раздел и ледяной водой поливал. Так они, горемычные, наутро и околели. Неча было прадеду твоему отымать у народа эту веру силком! Оно и, глядишь, праведного люда больше было бы, да и посовестливее нынешнего. Интересное дельце у вас, у Звягиных, получается. Прадед за веру убивал, в тюрьмах народ гноил, учения антихристовы насаждал, а правнук веру теперь возрождает! Чё эт у вас, семейный подряд али как? — спросила она с ехидцей.

Послышался смех и пьяные одобряющие голоса гостей: “Молодец, отбрила”, “Правильно, Томка, так его”, “Ишь, праведник...”

Он слышал эти кривотолки о прадеде и прежде, но никогда они так больно и прямо не задевали его сердце.

— Врёшь ты всё! — выкрикнул он отчаянно.

— Это я-то вру!? — возмутилась Тамара. — Петро, скажи! Да скажи ты ему, не таись, — толкала она в плечо склонившего к столу голову хозяина дома.

— А что и говорить? Кто прошлое помянет, тому глаз вон! — вдруг грозно обвёл взглядом Петро сидящих за столом. — Поизмывались над народом и красные, и белые, и Ленины, и Сталины, и Брежневы, и Ельцины! А Бог как был Един, так Единым и остался, милосердным и праведным. А что веру прогнали и дел антихристовых натворили, так за то и спросится с каждого на том свете! Ох, как спросится! Ты уж не серчай на нас, учёная твоя голова. Правильно ты разумеешь. Негоже православному в Страстную неделю бражничать и песни похабные петь. Только ничто уж в строгости нами не соблюдается, и нет в сердцах прежней веры, какая у дедов и отцов наших была.

— Петро, ты слышал, что она о прадеде моём!.. Врёт иль нет? Говори, без утайки, как оно есть! — и на скулах студента заиграли желваки.

— Гневаться в Страстную неделю тоже грех великий, — заметил с укором Петро. — Мой прадед у твоего помощником был, так мой твоего и не лучше.

У Сергея забилось сердце, и всё перепуталось в голове. Он что-то хотел крикнуть, возразить, отстоять свою правоту, но только сказал тихо и виновато:

— И так довольно согрешений на деревне. Не прибавляйте грехов к делам отцов наших. Не то скоро дышать будет нечем, — куда ни повернись, везде скверна... — и он медленно вышел, не попрощавшись.

Уже стемнело. На небе ярко мерцали крупные звёзды. Весенний воздух был по-прежнему бодрящим и свежим, но в душе уже не было прежнего чувства умиления и благодати. Он шёл медленно, размышляя о жизни своих предков, которые натворили в мире столько зла! И, чтобы исправить их грехи, ему теперь надо будет сделать втрое больше доброго для людей. И от этих мыслей хотелось плакать: “Сколько в мире лживого, злого! — думал он, проходя мимо церковной ограды. — Не мог же мой прадед знать, что творит неправду, не мог!” — отчаянно оправдывал он своего предка. Но внутри у Сергея что-то протестовало, говорило о великом сотворённом зле и правоте слов Тамары Волобуевой. И он вспомнил, как в детстве любил издеваться над бабушкой, как с ватагой босоногих мальчуганов они смеялись над верующими и кривлялись им вслед, когда небольшая горстка старушек с хоругвями и иконами шла через всю деревню к роднику просить Бога о дожде и урожае в засушливый год. И проливной дождь, с громом и молниями, пришёл на следующий день утром и орошал окрестные поля до полудня. Потом бабушка долго благодарила Бога, стоя на коленях перед иконой в передней комнате.

— Бабушка, смотри, лоб не разбей, — сказал Сергей, забегая в переднюю, чтобы взять модель аэроплана, которую он тогда склеил в школьном кружке “Юный авиатор”.

Но бабушка продолжала молиться, не обращая на него внимания. И у Сергея, неизвестно откуда, появилось неудержимое чувство злобы. Он взял в левую руку аэроплан, а правой рукой специально потянул с края комода нижний журнал, и огромная стопка толстых книг и журналов с грохотом полетела на пол. Но ни один мускул не дрогнул на лице бабушки, — она продолжала молиться. И от этого злость у Сергея только усилилась. Ему тогда хотелось изо всей силы толкнуть её, ударить, закричать, только бы помешать ей молиться. И он, не зная, что предпринять от злости, включил радиолу на полную громкость. Оглушительно зазвенела музыка, весело заорала певица песню про чёрного кота. И тут же Сергей получил подзатыльник от матери, которая подошла к нему незаметно и неожиданно сзади. Она выдернула шнур из розетки и, крепко схватив сына за ухо, увела его на кухню и поставила в угол. “Но как радовалась в злобе душа, когда падали книги и орала радиола! — вспоминал он. — Как ликовала и торжествовала злость в маленьком сердечке!” Он тогда не знал, откуда приходит чувство зла и как оно управляет человеком, затмевая рассудок. Должно быть, прадед испытывал те же чувства, когда разрушал храмы и ссылал верующих на Соловки, оправдывая себя учениями классовой борьбы и революцией, а по существу — служением антихристу.

Он не осуждал прадеда, а только, смиренно вздохнув, перекрестился в потёмках, и мысли Сергея потекли во времена, когда, в Иерусалиме, толпа, управляемая злобой, требовала смерти Христа у Понтия Пилата...

Он не заметил, как дошёл до дома и, открыв двери, увидел на кухне сидящую за столом мать. Она склонила голову над раскрытой Библией, внимательно дочитывая предложение, и на стук хлопнувшей двери обернулась не сразу.

У Сергея уже выработалась привычка каждое утро и вечер наугад открывать Библию и читать первое предложение, на которое падал взгляд. И всегда эти прочитанные слова оказывались меткими и нужными в момент начавшегося или прошедшего дня. Но на этот раз он решил довериться матери.

— Мам, прочти мне, что сейчас читала, — попросил он.

— Это Евангелие от Луки, — ласково улыбнулась мать. — Пока ты гулял, сынок, я картошек отварила. Поешь.

— Я не хочу есть. Прочитай, мам.

Она посмотрела на сына с чувством умиления и медленно перевела взгляд на открытую страницу: “И когда пришли на место, называемое Лобное, — начала мать, но вдруг умолкла и, немного подумав, начала читать снова уже громко и с выражением. — И когда пришли на место, называемое Лобное, там распяли его и злодеев, одного по правую, а другого по левую сторону. Иисус же говорил: Отче! Не вмени им в вину, ибо не ведают, что творят...”

На последних словах голос матери задрожал, она всхлинула и, устыдившись своих слёз, отвернула лицо к стене.

Сергею стало неловко, что мать стыдится своих чувств. Он тихо поднялся со стула и ушёл к себе в комнату. Долго в сумерках лежал на кровати, не раздеваясь. “Отче! Не вмени им в вину, ибо не ведают, что творят”, — повторились в мыслях слова из Евангелия. Он представил муки Христа, как ему вбивают гвозди в суставы рук и ног, а Он, от великой Любви к людям, просит Отца Небесного о прощении грехов своим палачам... Ибо не ведают, что творят...

— Учёный, выходи, падла! Ты мне при всех грозил отдельно поговорить! — раздался под окном голос Гришки Ерохина.

Сергей отдернул занавеску и в свете восходящей луны увидел группу толпившихся под окном подростков со штакетинами в руках, во главе с гармонистом.

— Не пуцу! — отчаянно встала мать на пороге с испуганными глазами, готовая заплакать, когда Сергей собрался выходить, надевая телогрейку на плечи. — Хошь что делай, не пуцу!..

— Мам, ради Христа отойди. Не то дом подожгут, — спокойно и тихо сказал Сергей. Последние слова внушительно подействовали на мать, и она нехотя уступила сыну, но часто стала крестить правой рукой воздух, а левой держала его за рукав телогрейки и причитала:

— Серёженька! Сынок, я очень тебя прошу! Ради Бога...

— Мам, не ходи! Все будет хорошо! — успокоил он её и закрыл перед матерью двери, ведущие в сенцы.

На улице подмораживало. Воздух по-прежнему был бодрящим. Гришка Ерохин комиссарил над выпившими подростками, ободряя их, и обернулся на звук хлопнувшей двери.

— Вышла тварь учёная поест дерьмо толчёное, — запел Гришка, растягивая каждое слово на блатной манер, и, храбро занеся над собой штакетину, двинулся на Сергея.

— Не маловато ли народу собрал, воин? — произнёс Сергей сдержанно, с насмешкой.

— Мало не покажется! — злобно огрызнулся Гришка, идя вразвалку к порогу дома. Выпившие подростки стояли в стороне, опершись на штакетины, ожидая развязки.

“Господи! Господи им, ибо не ведают, что творят!” — мысленно произнёс Сергей и пошёл навстречу гармонисту. Как только они сблизились на расстояние метра, Сергей, не дожидаясь удара, резко присел на одну ногу, а вытянутой второй, как клюкой, подсёк гармониста. Гришка, теряя равновесие и падая, выронил штакетину, цепляясь руками за воздух. Сергей в прыжке перехватил штакетину на лету и бросился к подросткам, размахивая трофейным оружием. От неожиданности выпившая ватага тут же кинулась врассыпную, и только топот убегающих ног то здесь, то там подхватывало и разносило гулкое эхо над опустевшей улицей деревни. Сергей уже было повернул вполборота к дому, как жёсткий кулак гармониста ударил его в челюсть и сбил с ног. Гармонист накинулся на Сергея и, сидя на поверженной жертве верхом, дыша перегаром, стал наносить удары в лицо и голову. Но Сергей резким ударом кулака сбил его и, держа за кучерявые волосы голову гармониста, дважды ударил её о землю затылком. Гришка обмяк, Сергей поднял его как мешок с картошкой, перевалил через плечо и вошёл в дом.

— Господи! Господи! Убил! Убил! — голосила мать.

— Мам, не причитай, принеси полотенце, — попросил Сергей, укладывая пленного воина на половике в кухне. Он свернул телогрейку подушкой и подложил ему под голову. Гришка, чуть отлежавшись, открыл глаза и мутным, но уже протрезвевшим взглядом обвёл комнату.

— Это игде я? — спросил он, шевеля окровавленными губами.

— В плену! — жёстко сказал Сергей, не оборачиваясь от умывальника, смывая кровь с лица холодной водой и шмыгая носом. — Если дёрнешься, тварь, раздену догола, вымажу дёгтем и пуцу по деревне!

Гришка понял, что он у врага в доме, и напугался не на шутку. Он знал, что Звягин не только здоров, но что его слово никогда с делом не расходилось. Его с юности прозвали железным Сержем за то, что он колхозному бригадире ещё в десятом классе ночью надел мешок на голову, туго затянул его шнурком, а потом бедолагу на крыльце собственного дома отходил черенком от лопаты так, что тот пять дён на работу не показывался. А всё из-за того, что бригадир в горячке мать его шлюхой обозвал. “Но тогда-то он неверующим был, — думал гармонист. — А теперь за веру Христову, как фанат, чего доброго и покалечить может! Смотри, как башкой о землю треснул, аж весь хмель из меня вон...”

— Серж, — сдавленно произнёс Гришка виноватым голосом.

— Что? — жёстко спросил Сергей.

— Может, это... я пойду?.. Ну, мало чё про меж мужиков-то, по пьянке, не заладится?

— Иди! Но только запомни, воин! Ещё раз малолеток соберёшь и напишь — спуску не дам!

— Ишь, развоевался, горлан! Что тебе мой Серёжка сделал? — бойко ввязалась мать, держа полотенце в руке и радуясь в душе за победу сына. — Вот что он тебе сделал, я спрашиваю? — не унималась она.

— Мам, не встревай в мужские дела, — успокаивал её Сергей.

— Как это не встревай? Как не встревай? Он морду тебе расквасил, а я не встревай? Ишь какие синячища под глазами!

Гришка, крихтя и ойкая, поднялся с полу, держась за разбитый затылок ладонью, и, не отвечая на слова матери Сергея, виновато пожаловался:

— Шибко больно. Болезнее, чем с похмелку, — и тихо направился к выходу.

На всюнощную в церкви было много народа, и люди толпились за церковной оградой. Запах ладана, потрескивание горящих восковых свечей у иконостасов, дыхание прихожан должны были создать ту духоту, какая обычно бывает при скоплении народа в помещениях. Но душно не было. Церковь восстановили каменную, просторную и высокую, по образцу, какая была построена казаками ещё до революции на средства и пожертвования прихожан.

И потому церковь в деревне теперь стояла, как оплот, как вызов смутным временам атеизма, как возрождённая духовная крепость России, куда стекался народ на праздники не только со всей деревни, но даже из окрестных сёл и деревень.

“Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым”, — нараспев тянул басом дьяк. И Сергей чувствовал душой Единого Творца, Вседержителя, создавшего невидимой энергией Святого Духа всё живое на земле — от незримых атомов, туфелек и инфузорий до творящегося в мире добра и зла человеческого.

По окончании службы, после крестного хода, освящения пасхальных куличей и яиц Сергей то ли волей случая, то ли промыслом Божиим столкнулся с Гришкой Ерохиным за церковной оградой, когда все прихожане ликовали, поздравляя друг друга с Воскресением. Гришка подошёл к Сергею первым и виновато сказал, склонив голову:

— Христос Воскрес, Сергей Данилович! Прости мне согрешения мои...

— Воистину Воскрес! — сказал Сергей, — Бог простит! — и как брат, по-христианскому обычаю трижды обнял и поцеловал гармониста...

Солнце пригревало, поднималось над горизонтом, и уже в свежем воздухе висело лёгкое марево над заливным лугом, над просторами вспаханных под зябь полей. А в школьном саду на тополиных ветках, подернутых лёгкой зеленоватой дымкой молодой листвы, весело распевали птицы. Тихий утренний ветерок пасхального Воскресения рябил озёрную гладь воды, приносил с берега крики гусей, криканье уток, запах зелёной травы и распустившихся подснежников. И в каждой травинке, в листочке, лепестке цветка, и в каждом дыхании жизни — везде и во всём Сергей чувствовал присутствие Силы, Вездесущей и Животворящей.